

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 417.32; 494.3.

Г.Н. Абдуллаева

ДИСКУРСИВНЫЙ И СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТЕКСТОВ

В статье прослеживаются концептуально-семантические и формально-аналитические линии контрастов при дискурсивном и синтаксическом анализе этнокультурных текстов, вводятся в научный обиход отдельные понятия. Написанная на разноязычном эмпирическом материале, она представляет интерес для филологов, этнологов и специалистов по другим дисциплинам гуманитарно-общественного цикла.

Целью написания данной статьи является попытка осмысления корреляции дискурсивного и синтаксического анализов текста на русском и уйгурском материале. В качестве анализируемых текстов нами выбраны тексты этнокультурного характера, под которыми мы понимаем связные тексты, затрагивающие этническую и культурную тематику. На этом основании этнокультурные тексты могут рассматриваться обособленно аналогично тому, как выделяются, например, политические, гендерные и т.д. тексты и дискурс. При этом, в данном случае, мы будем исходить из лингвистического понимания термина «дискурс», считая, что как синтаксис текста, так и лингвистика дискурса являются различающимися между собой разновидностями лингвистического анализа текстов (высказываний).

Под текстом нами будет подразумеваться результат использования языка. В синтаксисе текста изучается микротекст (сложное синтаксическое целое, сверхфазовое единство, прозаическая строфа), под которым мы будем понимать «цельный организованный фрагмент текста, предложения – составляющие которого (фразы) связываются между собой контактной и дистантной структурной связью, а также характеризуются смысловой, коммуникативной и интонационной спаянностью» (5, с. 438).

Понятие дискурса, как известно, представлено в широком диапазоне точек зрения. Так, под дискурсом понимают сложное коммуникативное явление, представляющее собой процесс формирования определенной концептуальной картины (3, с. 35). Для других дискурс - это и язык, и речь одновременно; это вербальное образование, в котором интенциональный объект сам говорит о себе; это осознаваемое говорящим требование интенционального объекта к построению речи о нем (6, с.49). У Т. ван Дейка, Дж. Лакоффа, Э. Ле и др. дискурс рассматривается тройко: как использование языка, т.е. почти как текст; как формирование в общественном сознании определенных представлений; как взаимодействия социальных групп и индивидов (2, с.93). О.Г. Ревзина, противопоставляя между собой лингвистику текста и лингвистику дискурса, понимает под дискурсом в широком смысле систему высказываний как совокупностей знаков, а жизнь этих высказываний называет предметом лингвистики дискурса (4, с.30). Что касается высказываний, имеющих знаковую природу, они для нас мыслятся в качестве результата идентификации фраз как единиц речи.

В целом нами лингвистика дискурса воспринимается больше как семантический феномен, а синтаксис текста мыслится как тяготеющий к форме и структуре. Сам

дискурсивный анализ представляет собой сложное многогранное явление, одним из результатов анализа которого служит раскрытие понятийной панорамы, или модели, текстов, их пресуппозиционного основания. Такие картины могут формироваться вокруг ядерных понятий. Так, например, в татарских текстах чаще таким понятием оказывается понятие моң «светлая (философская) грусть; сопереживание». Связи между понятиями и представлениями формируют картину, которая может предъявляться общественному сознанию. В качестве примера обратимся к языку двух статей об этнокультурных центрах уйгуро-узбекской и татаро-башкирской диаспор, вышедших в номере газеты «Вести Иссык-Куля», посвященном Первому областному курултаю местных сообществ (2002, №10 (10640), 8 февраля).

Предметом рассмотрения в обеих публикациях, написанных руководителями двух этнокультурных центров, является жизнедеятельность диаспор на региональном уровне. При обращении к статьям читателем сразу же отмечается закономерность в междиаспоральных отношениях в Прииссыккулье, заключающаяся в выраженной тенденции к интеграции близких по культуре этносов: уйгуров и узбеков, с одной стороны, и татар с башкирами – с другой. Сквозь тексты статей просматривается концептуальное ядро дискурсов: в уйгуро-узбекском случае – это «деловитость, направленная на учреждение сети образовательных микроструктур, сотрудничество с вузами, организация шоу», а в татаро-башкирском варианте – «философско-размеренный настрой, ориентированный на организационную сторону деятельности, восстановление бывшей мечети, оказание внимания старшему поколению». При этом в обоих случаях формируется и сходная картина роли этнических сообществ в обществе в целом. Оба автора исходят из того, что любое общество неизбежно распадается (состоит) на этнические сообщества, которые изначально уже организованы и нуждаются лишь в официальной институционализации. Инструментом такой институционализации на региональном уровне должно служить региональное отделение, а на республиканском – Ассамблея народов Кыргызстана. Такая картина выводится из текста и вживляется в общественное сознание.

Говоря о функции этнокультурных дискурсов «вживлять» в общественное сознание определенные представления и образы, по нашему мнению, нельзя не отметить степень их динамичности и/или «консервативности». Так, по сравнению с очень динамичным политическим дискурсом, и особенно дискурсом выборов, этнокультурный дискурс менее динамичен. Первый быстрее формируется, трансформируется и уходит в пассивное состояние. Этнокультурный дискурс медленно зарождается, но и живет долго. Политический дискурс бурлит, кипит и остывает. Этнокультурный дискурс только бурлит, но и практически и не остывает. Этнокультурный дискурс несет на себе печать толерантности и большого разброса мнений, он выполняет благородную миссию консервации культурных ценностей того или иного народа. Поэтому, если функция политического дискурса – это сильное навязывание общественному мнению определенных представлений (2, с.35), то функция этнокультурного дискурса заключается в умеренном и перманентном «втирании» в общественное сознание некоторых концептуальных образов и картин в системе, этнокультурный дискурс призван их сохранить и аккумулировать. Исходя из такого понимания, можно предложить рассматривать дискурсы на своеобразной дискурсивной «шкале температуры». На одном полюсе этой шкалы мы видим силу «вживления» концептуальных образов, а на другом полюсе – ослабленность такой функции. Это противопоставление интенсивности и динамичности, с одной стороны, экстенсивности и «консервативности» – с другой. Так, к первому полюсу ближе дискурс, скажем, выборов, далее следует политический дискурс, гендерный дискурс, этнокультурный дискурс и т.д. в какой-то мере это перекликается с жанровой

классификацией дискурсов, но не совсем, поскольку жанры дискурсов обычно ассоциируются с функциональными стилями, которые составляют предмет изучения в другом ракурсе (1, с.30).

Вернемся к затронутым выше двум публицистическим статьям этнокультурного характера и посмотрим на то, как ведут себя в них понятийно-терминологические элементы этнокультурного дискурса. При обращении к статьям сразу же бросается в глаза следующая лексика: этнокультурный, диаспора, национальная диаспора, диаспоральный, мультиэтнический, полиэтничность, политический, межэтнический, этнические сообщества, миграция, культура, самодеятельное творчество, среда, родной язык, родная культура и т.д. видно, что даже в двух публицистических статьях малого формата вычленяется специальная терминированная лексика, которая, - и это можно с уверенностью сказать, - употреблялась до этого и продолжает употребляться в текстах указанного содержания. Подобная лексика, по нашему мнению, служит ключевыми опорами, позволяющими строить ход этнокультурных мыслей и представлений для последующей репрезентации их общественному сознанию. Относительно тюркоязычных этносов применительно к данному случаю говорят как о каузации динамики мыслительного процесса: уйг. «ой-пикир жүргүзмөк» тат. «уй-фикер йөгертү».

Не случайно, что в европейских лингвистических традициях чаще под дискурсом понимают своеобразное буферное звено между рассуждением и речью: *discourse*.

Приведенная выше терминированная лексика – это пример металексикологии этнокультурного дискурса. Это именно термины в большей мере понятные специалистам. Но, видимо, следует обратить обособленно внимание и о другой специальной лексике этнокультурного характера: этнонимах, историзмах, архаизмах, наименованиях блюд, одеяний и т.д. Такие слова имеют национально-культурный колорит и лексически характеризуют этнокультурный дискурс.

В настоящее время в различных лингвистических традициях, в том числе и в уйгурском языкознании, выделяется специальный раздел – синтаксис текста, изучающий особую синтаксическую единицу: микротекст (сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, прозаическую строфу). Подчиняясь требованиям формата настоящей статьи, попытаемся в сжатой форме передать специфику и ориентиры синтаксического анализа микротекста на следующем примере.

Копалирак, лекин пухта ясалган гежэкниң, авазы хелила саз еди. Бовай тэкэллуп килмайла, кумулча сэнэмгэ чалди. Униң уни сэл-пэл титирингини билэн, хелила муңлук-йекимлик чикагтидэ, бир мисрани ейта-ейтмайла нахша арисида бешини силкип хэм-һум» девиди, он бэш яшлардики огул вэ киз нэвриси уссулга чүшүп кетишти. Улар наһайити силиклик билэн Хожанияз башлик мейманларга егилип салам килишкандин кейин, үзмэ-үз туруштидэ һэр иккиси тэнла он путлирини тегишип, коллирини көтиришти (Зия Самади. Жиллар сири. –Алматы, 1985, с. 42). –Звуки грубоватого, но довольно добротного отделанного геджака (музыкальный инструмент) были мелодичны. Старик без вступления стал наигрывать кумульский мотив-санам. Хотя его голос и немного дрожал, но был довольно приятным, и едва он, спев один куплет, среди пения качнул головой и кашлянул, как тут же его пятнадцатилетние внук и внучка начали танец. Они вежливо поклонились и поприветствовали гостей во главе с Ходжаниязом, встали лицом к лицу и , одновременно притопнув правой ногой, взметнули вверх руки.

Данный фрагмент текста взят из романа Зия Самади «Тайны годов». Что позволяет говорить о его дискретности? В отличие от дискурсивного анализа синтаксический анализ текста направлен на вскрытие механизмов его связанности, принципов его устроенности как целого. В уйгурском языке о спаянности микротекста

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

говорят следующие факторы. Первое. Это единство смысловой темы. В нашем примере ее можно сформулировать как «Бовай сэнэм башлиди» («Старик начал петь»). Внутри микротекста между фразами уместны смысловые вопросы, на границах же – нет. Второе. Тематическое единство подкрепляется коммуникативной целостностью: налицо связная тема-рематическая цепочка. Третье. В микротексте репрезентованы специальные маркеры структурной связи между его составляющими. Так, между первой и второй фразами эту роль играет лексическая синонимия: гежэкниң авази – саз – сэнэмгэ чалди. Вторая и третья фразы связаны посредством местоимения униң (бовай – униң үни). Третью и четвертую фразы объединяет местоимение улар (огул вэ киз нэвриси – улар). Все эти факторы уйгурскго языка подробно описаны в академической грамматике, на которую мы и сочли возможным сослаться (5, с. 438-450). Четвертое. Паузы между фразами в микротексте короче пауз на его границах.

Итак, даже при поверхностном сопоставлении видно, что дискурсивный и синтаксический анализы текста преследуют разные цели. Лингвистика дискурса тяготеет больше к раскрытию типологии и оснований построения картин мира, понятийно-смысловой стороне бытия языковой реальности, а синтаксис текста – к устройству проявлений языка. Как на область «пересечения интересов» можно сослаться на проблемы коммуникативной прогрессии, смыслового единства «сообществ фраз».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарифулин С. Текст стилистикасы һәм анын практик эһэмияте //Совет мэкътэбе, Казань, 1989, -С. 30-33.
2. Ле Э. Лингвистический анализ политического дискурса: язык статей о чеченской войне в американской прессе //Полис / Политические исследования/, 2001, №2. -С. 93-112.
3. Проскуряков М.Р. Дискурс борьбы /очерк языка выборов //Вестник Моск. Ун-та, сер.9, 1999, №1. –С. 34-49.
4. Ревзина О.Г. Язык и дискурс //Вестник Моск. Ун-та, сер. 9, 1999, №1. –С. 25-33.
5. Строй уйгурского языка. –Алматы, 1989.
6. Чернейко З.Л. Металингвистика: хаос и порядок //Вестник Моск. Ун-та , Сер. 9, 1999, №1. –С. 39-52.